

Марина
СЕРОВА

**Веселые
ПОМИНКИ**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Веселые поминки
Серия «Секретный агент Багира»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181105

Никогда не говори «никогда»: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет; М.: 2000

ISBN 5-04-004287-6

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Серова

Веселые поминки

Глава 1

Наш самолет подлетал к родному Тарасову. Несколько дней я провела в далекой воинской части, где выполняла свои служебные обязанности в качестве юрисконсульта Комитета солдатских матерей, каковым являюсь в последнее время, во всяком случае официально.

На душе у меня оставался неприятный осадок, Впрочем, к его горькому привкусу я успела привыкнуть за месяцы работы в этой организации.

Случай был типичный. Белобрысый тарасовский парнишка, волею судеб заброшенный в этот «тмутараканский» военный округ, попал в омерзительную систему «неуставных отношений», благодаря которой чуть было не наложил на себя руки.

Его старшие товарищи воспринимали его не иначе как козла отпущения и компенсировали на нем все свои убогие прыщаво-жлобские комплексы.

Моими стараниями парнишка был переведен в другой округ, а его бывшему командиру придется-таки расстаться с погонами и продолжать злоупотреблять алкогольными на-

питками уже без отрыва от производства. Для этого я сделала все необходимое.

Но кое-что я позволила себе и для души. При последней встрече с главным мучителем моего «подзащитного» я не удержалась и добавила ему еще одну проблему недели на две как минимум, причем именно в той области, которой он особенно гордился.

Проще говоря, на прощание, находясь с ним с глазу на глаз, я модельной туфелькой таким образом обработала его гениталии, что провожал он меня долгим земным поклоном.

Навыки и привычки моей настоящей профессии, думаю, останутся у меня навсегда. И никакая маска юрисконсульта общественной организации не заставит меня изменить мой характер.

Если бы не одна неприятная история в Югославии, я бы до сих пор оставалась кадровым сотрудником органов безопасности, хотя, по сути, я продолжаю им оставаться и по сей день, разве только уровень секретности еще более повысился.

Об этом знает только один человек по кличке Гром, вместе с которым мы погорели в Югославии и на какое-то время были вынуждены сменить профессию.

Я считаю Андрея Леонидовича не просто своим командиром, но и учителем, который заставил меня пересмотреть все мои прежние представления о жизни и в конечном итоге определившим и сформировавшим меня такой, какой я яв-

ляюсь на сегодняшний день. Он закалил мое тело и воспитал мою душу.

И если я могу сегодня считать себя профессионалом, то только благодаря этому человеку – майору Андрею Леонидовичу Сурову, но для меня – Грому.

Он дал мне новое имя – Багира, которое мне нравится больше того, которое написано в одном из моих паспортов.

Я имею в виду тот единственный настоящий паспорт, который я с гордостью получила в районном паспортном столе в шестнадцать лет. Там написано, что меня зовут Юлией Сергеевной. Но таких много, а Багира – только одна!

Древние считали, что имя определяет всю жизнь и судьбу человека. Я могу добавить, что оно влияет даже на его внешность.

В последнее время во мне появилось что-то кошачье, на что неоднократно обращали внимание мои немногочисленные знакомые. И я горжусь этим, тем более что больше всего на свете я люблю кошек.

Я ужасно скучаю по тому времени, когда мы с Громом не расставались ни днем, ни ночью.

Не подумайте, что я просто-напросто влюблена в него. Это было бы слишком просто.

Мое чувство к нему больше, чем любовь. Влюбляюсь я, несмотря на мою серьезную профессию, довольно часто, но между мной и Громом ничего никогда не было, хотя нам по долгу службы приходилось изображать из себя и супруже-

скую пару и даже спать в одной постели.

Последние несколько месяцев я не слышала его голоса. Но каждое утро просыпаюсь с надеждой получить от него весточку в том или ином виде. И это будет означать, что у него для меня появилось задание.

Наш самолет, сделав круг над Тарасовом, заходил на посадку.

Внизу я видела огромное голубое пространство с островком городского пляжа посередине: мы пролетали над Волгой.

Под нами замелькали пригородные дачи с цветущими яблонями, и, как всегда, неожиданно возникла взлетная полоса.

Через несколько минут я выходила из здания аэропорта.

Моя квартира находится довольно далеко, во всяком случае по тарасовским масштабам, от аэропорта, поэтому я решила направиться, не заходя домой, в Комитет солдатских матерей, чтобы отчитаться за командировку и, покончив со всей этой историей, со спокойной душой отправиться к себе.

Тем более что сегодня пятница и в моем распоряжении оставалось почти три свободных дня, не считая отгулов, которые я предпочитаю копить на всякий пожарный.

Комитет находится недалеко от аэропорта, и при желании до него можно добраться пешком, но мне не терпелось сделать все побыстрее, и, поймав такси, я буквально через пять минут поднималась на крыльцо серого бетонного здания.

Как я и ожидала, в комитете за эти несколько дней ничего

не изменилось.

Более того, монотонное пребывание в кабинетах создает несколько иное представление о времени, чем у человека, за несколько часов пролетевшего пару тысяч километров.

Во всяком случае, на лице своей непосредственной начальницы Светланы Алексеевны я прочла совершенное недоумение по поводу моего возвращения.

Можно было подумать, что я покинула ее кабинет полчаса назад и, вернувшись, сообщила ей, что побывала за это время на другом конце света.

Я отдала ей тоненькую папку с документами, зашла в бухгалтерию, заполнила все необходимые бланки и отчиталась за взятые под расчет деньги, после чего мои служебные обязанности были выполнены, и совершенно свободным человеком я покинула Комитет.

Теперь я могла не торопиться и вкусить все преимущества прекрасного ничегонеделания.

Передо мною стояла дилемма: либо отправиться на рынок и закупить на три дня необходимые для кулинарных экспериментов продукты, либо удовлетвориться тем, что смогу приобрести по дороге домой.

Учитывая, что весь уик-энд я планировала посвятить исключительно кулинарным изысканиям, логичнее было бы выбрать первый вариант, но я на самом деле была немного разбита многочасовым перелетом, хотя и не в такой степени, как сообщила своей начальнице.

И поэтому предпочла второй вариант.

Тем более что рядом с моим домом располагался небольшой базарчик, ассортимента которого вполне может хватить человеку с богатым воображением.

На недостаток последнего я пожаловаться не могу, особенно в кулинарном смысле.

Кулинария – это моя тайная страсть, видимо, в предыдущем воплощении я была либо шеф-поваром ресторана, либо развивала свои кулинарные фантазии на протяжении долгих трущобных лет полуголодного существования. И, судя по отзывам родных и знакомых, человечество потеряло в моем лице гениального кулинара.

Единственная проблема состоит в том, что я никогда не могу съесть всего приготовленного, так как живу в одиночестве и по роду своих занятий не могу завести даже кошку.

Поэтому избыток приготовленных мною яств я передаю своим соседям по лестничной площадке – симпатичной чете Жлуктовых, которых бог наградил четырьмя вечно голодными отпрысками, но забыл при этом наградить необходимой для такого количества едоков зарплатой.

Я села на девяносто восьмой автобус и, расположившись у окна, всю дорогу изучала те микроскопические изменения в городе, которых не замечаешь, пока не покинешь город хотя бы на несколько дней.

Ко всему прочему, это еще и чисто профессиональный тренинг.

У секретного агента наблюдательность должна быть на высоте, и в нашем закрытом учебном заведении немало часов было посвящено подобным упражнениям.

За сорок минут я успела заметить столько маленьких изменений, что перечислить их все не представляется возможным.

Скажу только о трех новых рекламных щитах, перекрашенных ставнях в полуразрушенном частном домике, выломанной доске в заборе (она полгода держалась на одном гвозде) и возведенном за это время очередном этаже строящегося дома недалеко от моей остановки.

В конце этого небольшого путешествия меня ожидал сюрприз: была заделана глубокая поперечная колдобина на дороге, по которой следовал мой автобус.

По привычке я набрала в грудь побольше воздуха, чтобы с минимальными потерями преодолеть эту преграду, поскольку, какой бы опытный водитель ни сидел за рулем автобуса, избежать довольно-таки сильной встряски не удавалось никогда.

И произошло чудо.

Это можно было сравнить с тем волшебным ощущением, когда зубной врач собирается вырвать тебе больной зуб, и ты готовишься к адским мучениям, но он делает легкое движение рукой и... ты видишь перед собой отвратительную часть самой себя у него в клещах, плоскогубцах или не знаю, как называется этот чудовищный инструмент.

Это улучшило мое и без того лучезарное настроение, и я, как птичка, выпорхнула на своей остановке.

Даже сравнительно небольшой базарчик может украсть довольно много времени у такого привередливого покупателя, как я.

Думаю, что один из самых главных секретов хорошего повара состоит в том, чтобы уметь выбрать продукты.

Трудно сделать из дерьма конфетку, а если это и получится, то конфетка все равно будет дерьмовой.

А вот для того, чтобы испортить природный вкус хороших продуктов, нужно как минимум закончить кулинарный техникум.

Многолетний студенческий опыт посещения заведений общепита помог мне сделать это открытие.

Я действительно не понимаю, как можно из куриного мяса, свежей картошки и томатного соуса приготовить то омерзительно безвкусное блюдо, которое мне время от времени приходилось употреблять в так называемых столовых.

Сейчас количество столовых сократилось почти до нуля. Видимо, и специалистов по преобразованию вкусовых качеств того уровня становится с каждым днем все меньше.

Надеюсь, что скоро настанет день, когда от нас уйдет последний специалист этого класса, и похоронная процессия, состоящая из людей, страдающих хроническим гастритом и язвой желудка, проводит его в последний путь.

И земля ему пусть будет пухом.

Истратив всю свою наличность, с двумя тяжеленными сумками я наконец открыла дверь своего жилища, по которому уже успела соскучиться.

То, что я увидела в первую же секунду, заставило меня бросить на пол свою поклажу и в недоумении опуститься на стул.

Я далеко не кисейная барышня, и обморок мне не грозил, но то, что я увидела, могло обескуражить и супермена.

Все «население» моей квартиры встречало меня в коридоре.

Население состояло из множества мягких игрушек, которые я с некоторых пор начала коллекционировать.

Тигры, кошки, пантеры и даже несколько бегемотов дружною толпою выстроились по стойке «смирно» в ожидании своей хозяйки.

Уезжая несколько дней назад, я оставила их на своих местах, а ключ от квартиры я никому не давала.

Предположить, что в моей квартире побывали воры и шутки ради устроили подобное, я не могла.

Допустить, что мои игрушки настолько очеловечились, что стали самостоятельно передвигаться, я не могла тем более.

И, переступив через головы моих зверушек, я вошла в комнату.

Там меня ожидал еще один сюрприз.

На видеомангитофоне сидел фиолетовый звереныш, по-

роды которого я так и не смогла определить. Это было нечто среднее между крокодилом и белочкой, но к этому я успела привыкнуть, а вот то, что у него в лапах была незнакомая мне видеокассета, добавило ситуации загадочности.

Мне ничего не оставалось, как вставить кассету в магнитофон. Во всяком случае, это была единственная возможность понять происходящее.

Я прислушалась к своей интуиции. Она нашептывала мне что-то приятное.

Так что, если бы в этой кассете была бомба, я бы умерла с улыбкой на губах.

– А замочек у тебя неплохой, – произнес с экрана Гром, и я моментально нажала на «стоп», чтобы прийти в себя и успокоиться.

Если бы на экране я увидела Санта-Клауса, инопланетянина или президента России, я бы удивилась гораздо меньше.

Гром, который не позволял мне звонить ему по телефону и общался со мной через сложную систему шифров, каждый раз придумывая все более экзотические способы передачи информации, как ни в чем не бывало заявился ко мне домой собственной персоной, оставил мне послание и поиграл напоследок с моими игрушками.

Кто-то из нас двоих явно сошел с ума.

Я отправилась на кухню, достала из холодильника бутылку лимонада и залпом выпила большой стакан, налила еще

один и только тогда вернулась к магнитофону.

– Мне давно хотелось побывать у тебя дома, – произнес Гром и улыбнулся.

После небольшой паузы он продолжил:

– Жалко, что не застал тебя. У меня целый час свободного времени. Но думаю, что у нас еще будет такая возможность. Я тут немного похозяйничал, но уж больно мне хотелось попить твоего знаменитого кофе.

Только теперь я заметила у него в руках чашку с дымящимся напитком.

Он сделал маленький глоточек и сморщился:

– Но у меня он получился отвратительный, видимо, мне это просто не дано, и я только напрасно перевел продукт.

Таким образом, он мило болтал со мной добрых пять минут и только в самом конце сообщил, что визит его был не просто визитом вежливости, но был необходим в связи с новым и, насколько я поняла, очень серьезным заданием.

Всю информацию об этом задании Гром скинул мне на компьютер, воспользовавшись, как он сказал, обычным кодом.

Он имел в виду тот самый код, который мы использовали в Югославии, с тех пор нам не приходилось работать на одном компьютере.

К счастью, я его помнила, несмотря на то что код был сложный и для непосвященного представлял собой неразрешимую головоломку.

Я допила свой лимонад и, прежде чем сесть за компьютер, перетасила все продукты на кухню, затарила ими холодильник, хотела было расставить по местам игрушки, но передумала.

Пусть они еще некоторое время постоят там, куда их поставили сильные и не привыкшие к игрушкам руки Грома.

Мне не терпелось узнать, что за задание приготовил мне Гром, но я всячески оттягивала этот момент.

Можно было ожидать чего угодно.

Вполне вероятно, что через час я должна буду опять лететь куда-нибудь к черту на рога, а то и вообще покинуть нашу страну.

Именно поэтому я вновь отправилась на кухню, где сварила себе чашку «своего знаменитого кофе» и приготовила пару многоэтажных бутербродов.

Несмотря на всю мою выдержку, на что-то большее я сейчас была не способна.

Обычно я ем не торопясь, но сегодня проглотила бутерброды за несколько секунд, обжигаясь не успевшим остыть кофе.

И, еще не прожевав последний кусок, я уже сидела за компьютером.

Информации было много, и для того, чтобы внимательно изучить ее, мне потребовался не один час.

Когда у меня зарябило в глазах от работы, я наконец смогла оторваться от экрана и привести в порядок свои мысли.

Мне предстояла действительно серьезная работа, и необходимо было тщательно спланировать свою жизнь на ближайшие несколько дней.

С перспективой провести уик-энд у кухонного стола я уже распрощалась и не без некоторой грусти подумала о судьбе тех замечательных продуктов, что я принесла с базарчика.

В стране происходило что-то непонятное.

Один за другим погибали, умирали в собственной постели, во всяком случае, так или иначе уходили из жизни крупные криминальные авторитеты, проще говоря, бандиты всех мастей.

Все они как-то были связаны с властными структурами или претендовали на место в них.

Но самое удивительное было не это.

Все мы под богом ходим, и даже самые крутые бандиты время от времени умирают.

Но обычно после этого начинается новый этап «криминальной войны», которая идет в нашей стране уже несколько лет.

Их престолонаследники не могут успокоиться до тех пор, пока не переубивают друг друга.

В результате остается обычно один, самый сильный и жестокий претендент на трон, который и занимает место покойника.

Сейчас же не было никаких признаков активизации криминала.

Можно было подумать, что серия смертей прошла для всех незамеченной.

Но этого просто не могло быть.

По части информации криминальные структуры оснащены не хуже секретных служб. Следовательно, все эти покойники были участниками какой-то неизвестной мне пока игры.

Что это за игра, кто в ней участвует, мне и предстояло выяснить.

Тем более что все покойники при жизни так или иначе были связаны с моим родным Тарасовом.

Во всяком случае, в ближайшие дни мне не нужно было куда уезжать. И, честно говоря, меня это радовало, так как шум мотора еще не затих в моих ушах.

Компьютер – штука полезная, но то ли я еще не успела перестроить свои мозги на компьютерный лад, то ли по другой причине, но для большей наглядности я обычно использую простой карандаш и листок чистой бумаги.

И, только нарисовав самые разнообразные графики и таблицы от руки и испачкав десяток листков, я раскладываю по полочкам любую информацию.

Видимо, мой мозг довольно консервативен.

В таком способе работы есть еще одно преимущество: работать можно лежа.

Поэтому я уютно расположилась на диване с бумагой и карандашами.

И только иногда подходила к компьютеру, чтобы проверить свою память.

Помимо той информации, которую я вытащила из компьютера, я неплохо себе представляла положение в стране в целом.

По давнишней привычке я не пропускала, по возможности, ни одного выпуска новостей. К этому нас приучили еще в академии.

На Западе существуют целые отделы разведки, в обязанности которых входит просмотр всех наших теле – и радиопередач.

Сравнительный анализ трех-четырех передач может помочь специалисту раскрыть такие секретные данные, о которых и не подозревает ни один журналист. Для этого существуют целые методики, и я ими неплохо владею.

Освежив в памяти события последних недель, я пришла к выводу, что одной из самых важных проблем в стране на сегодняшний день является проникновение криминала во власть и криминализация власти.

Об этом говорят уже давно. Но сегодняшнее руководство в отличие от своих предшественников решило всерьез воспрепятствовать этому процессу и прижать криминалу хвост как следует.

Наверняка эта информация не осталась незамеченной и в стане самих коррупционеров, и представителей криминального мира.

Мне предстояло выяснить, кто организовал серию этих неожиданных смертей.

А в том, что организаторы такие существуют, я уже ни капельки не сомневалась. Количество смертей в совершенно определенных кругах превосходило любую среднестатистическую норму.

Можно было предположить, что постарались «наши ребята» из органов. И это было бы справедливо и целесообразно.

Но в этом случае Гром не поручил бы мне этой работы.

При всей нашей секретности мы с ним работаем на ту же «контору». И он наверняка был бы в курсе.

Поэтому вероятность конкурентов из ФСБ сводилась к нулю.

Если бы покойники представляли собой членов одного «клана», одной бандитской «семьи», можно было бы заподозрить конкурирующую мафию.

Но «жмурики» были из разных семей.

На сегодняшний день мафии поделили территорию нашей страны, находятся в состоянии мирного сосуществования и стараются не ссориться по пустякам.

Нашу доблестную милицию я даже потенциально не считаю способной на подобные подвиги. Эта рыбка им явно не по зубам.

Кроме того, ментура давно и всерьез контролируется серьезными группировками.

Оставалось сделать вывод, что в стране появилась неиз-

вестная организация, могущественная и законспирированная.

В голову приходили международные тайные организации, тоталитарные секты, масоны и прочая мистика.

Впрочем, с таким же успехом это могла быть международная террористическая организация или секретные службы какой-нибудь «дружественной» державы.

В любом из этих случаев этим делом должны были заниматься такие люди, как я. Именно для подобных заданий и существуют секретные агенты.

Как я уже говорила, все эти люди так или иначе были связаны с Тарасовом: кто-то из них приезжал сюда по делам, у кого-то здесь были родственники, и поэтому разгадку следовало искать именно тут.

Попытаться разыскать эту ниточку и поручил мне Гром. Пятница подходила к концу.

Я услышала, как у соседей противно загудел телевизор, сообщая задремавшему телезрителю, что его пора выключить.

За окном уже давно было темно.

Глава 2

Каждый помнит свое детство и раннее пробуждение в день своего рождения или в какой-нибудь другой праздник, связанный с подарками и гостями.

Именно с таким ощущением проснулась я на следующий день.

Не знаю, как другие секретные агенты, а я испытываю это чувство каждый раз, приступая к новому заданию.

Так что я с полным основанием могу сказать, что на работу я иду как на праздник.

А многие ли могут сказать про себя то же самое? Сомневаюсь. Об этом можно только мечтать. Или завидовать тому, кто обладает подобным счастьем.

Одним словом, я проснулась в субботу совершенно счастливой, хотя еще не было и шести часов утра.

Наскоро перекусив парой бутербродов, немного отличавшихся от вечерних по своему составу и сдобренных большой чашкой кофе, я запретила себе думать о тех сокровищах, что хранятся в недрах моего холодильника, и вернулась к своим вчерашним запискам и включила компьютер.

За ночь вчерашняя информация окончательно разложилась по полочкам в моей голове.

И теперь каждое имя, дата или событие находилось на своем месте и могло быть легко обнаружено и востребовано при

первой необходимости в соответствии со своим инвентарным номером.

Более того, за ночь у меня сформировалась если не идея, не версия, то предчувствие верного направления поисков.

И возникла необходимость составить два списка, к чему я и приступила незамедлительно.

Написать первый список мне не составило никакого труда. В него вошли все «безвременно ушедшие» от нас криминальные авторитеты.

Их я выписала из своих вчерашних набросков, на этот раз в порядке алфавита и с небольшими пометками рядом с каждым именем.

Составление второго списка предполагало более творческую работу. В него должны были, по моему замыслу, попасть «потенциальные жмурики».

Во всяком случае, именно так я озаглавила этот список.

К ним я относил людей приблизительно того же круга, что и известные мне покойники.

То есть криминальных авторитетов, которые, по моим сведениям, так или иначе были связаны с представителями власти или же претендовали на это.

Информацию о них я взяла из материалов Грома, а также дополнила ее из своей личной картотеки.

Их набралось довольно много.

Там были отъявленные мерзавцы и законченные уголовники, правда настолько матерые и осторожные, что некото-

рые из них хотя и были под судом, но выходили сухими из воды.

Были в этом списке и воры в законе, которые большую часть своей жизни провели на нарах, но таких все-таки было меньше.

Сегодняшние преступники научились избегать наказания, подставляя вместо себя всякую мелкую сошку, откупаясь баснословными суммами, но это особая тема, и не она сейчас меня волновала.

Я «почистила» второй список, вычеркнув из него тех, о чьих контактах с Тарасовым мне было неизвестно, и подчеркнула, а затем переписала на отдельный лист постоянно проживающих в Тарасове.

Таких оказалось три человека, и они-то и представляли для меня наибольший интерес.

Все трое, судя по всему, в самом недалеком будущем могли пополнить первый список.

Во всяком случае, они практически ничем не отличались от тех, кто покинул этот свет в течение последнего месяца.

Если быть точной, «эпидемия» в криминальной среде началась тридцать четыре дня назад и достигла своего пика семь дней назад. В этот день скончались сразу два «авторитета».

Мне оставалось выяснить, чем занимаются в настоящее время трое моих новых подопечных, и только после этого составлять план своих действий.

К чему я и приступила, не откладывая дела в долгий ящик.

У меня было довольно много информации о каждом из них. Я хорошо знала, чем они занимаются, под какой «крышей», где живут, с кем дружат и воюют, не представляли для меня секрета и их интимные связи.

Но вся эта информация была не первой свежести.

Компьютер мне сообщил, что Гром посетил мою квартиру четыре дня назад, во вторник, то есть на следующий день после моего отъезда.

Информация из моей картотеки была и подавно месячной давности.

А мне нужны были самые свежие, желательно сегодняшние данные.

Мои подопечные были людьми небедными, в основном они возглавляли довольно крупные компании или фирмы, и мне не составило никакого труда с помощью простого телефона добраться если не до них самих, то хотя бы до их секретарш или заместителей.

Информация, которой я располагала к половине десятого, была без преувеличения сенсационной.

Один из них в настоящее время находился в заграничной командировке и скорее всего в настоящий момент пил пиво где-нибудь в Карл-Маркс-Штадте, или как он теперь там называется.

Второй собирался в отпуск.

Третий же через два часа подлежал захоронению на Новом городском кладбище на Жареном бугре.

Ситуация складывалась таким образом, что мне оставалось просто сесть на двадцать седьмой автобус и добраться до места погребения.

Похороны были пышные, что называется по первому разряду. Огромное количество народа, многотысячный дубовый гроб с инкрустацией, престижное место у самой кладбищенской часовни – все говорило о безбедной земной жизни усопшего и гарантировало ему комфортное загробное существование.

Траурные марши исполнял не традиционный полупьяный квартет, а коллектив профессиональных музыкантов – чуть ли не половина симфонического оркестра Тарасовского театра оперы и балета.

Автобусов было немного. Основная публика добралась до кладбища своим ходом – на черных навороченных иномарках.

Дорогие костюмы и траурные платья большинства присутствующих заставили меня почувствовать себя серой мышкой в своей скромной деловой одежде.

Слез ни у кого на глазах я не заметила, на лицах господствовало выражение, которое можно было охарактеризовать как «скорбное бесчувствие».

Затесавшись в толпе, я наблюдала за происходящим, стараясь не попадать, по возможности, в объективы многочис-

ленных видеокамер и фотоаппаратов.

Я внимательно прислушивалась к разговорам окружающих, стараясь выудить из них максимальную информацию о причинах смерти «виновника торжества».

Судя по этим разговорам, смерть наступила в результате скорее всего несчастного случая.

Автомобиль, в котором нашли покойного, врезался на большой скорости в столб линии электропередачи недалеко от Тарасова.

Последовавший за этим пожар изуродовал тело до неузнаваемости.

Поэтому гроб перед прощанием не открывали, опустили в могилу, после чего на еще сырую землю была положена могильная плита и водружен эффектный мраморный памятник с изображением покойного во весь рост.

Не верилось, что такое произведение искусства можно было сотворить за три дня.

Но кто знает, каковы причуды у богатых людей. Я слышала, что большинство «новых русских» приобретают места на кладбище еще при жизни, тем более что в последнее время в моду стали входить семейные склепы.

Я допускала, что и памятники себе они заказывают тоже при жизни, не доверяя вкусу своих родных и близких, а может быть, сомневаясь в щедрости наследников.

По моим сведениям, покойный незадолго до смерти развелся со своей молодой женой, похожей на Клаудию Шиф-

фер, но, несмотря на это, она присутствовала сегодня на похоронах и принимала соболезнования родных и близких.

Не дожидаясь конца церемонии, я незаметно покинула кладбище и всю дорогу до дома пыталась выявить ту бесценную крупицу информации, из-за которой я, собственно, и ездила на похороны.

Но поездка на кладбище не принесла ощутимых результатов.

Первое, что я сделала, вернувшись к себе домой, это приняла душ. После чего, почувствовав приступ волчьего аппетита, соорудила простенький, но весьма вкусный обед, частично реализовав свои запасы продуктов.

Завершила я трапезу большой чашкой крепкого кофе, которая окончательно настроила меня на рабочий лад.

Я достала свои списки и перенесла бывшего «потенциального жмурика» в первый список, где он разместился теперь на полном основании.

И все-таки сегодняшнюю поездку я не могла назвать совсем безрезультатной.

И не только потому, что я узнала причину смерти. И не потому, что среди участников похоронной церемонии было много представителей власти и «криминального элемента».

Но сам факт недавней смерти одного из трех, соответственно моей теории, потенциальных покойников подтверждал справедливость моих заключений.

Теория работала, а значит, она была верна.

Второй мой список сегодня сократился на одного человека.

В Тарасове осталось всего два потенциальных представителя первого списка.

Один из них находился в данный момент в длительной заграничной командировке и был труднодоступен.

Следовательно, наибольший интерес для меня представлял последний, пока не покинувший ни Тарасов, ни этот свет «криминальный авторитет», в чем я лишняя раз убедилась, встретив его сегодня на кладбище живым и здоровым.

И я, выделив для него отдельный листок, аккуратным почерком написала на нем имя и фамилию:

Харчев Владимир Емельянович, 1956 года рождения.

Кличка – Емеля.

А потом – пункт за пунктом всю информацию, которую я имела о нем.

Я подозревала, что он в ближайшее время может быть подвергнут – как бы это получше выразиться – принудительному умерщвлению (увы, язык протоколов не отличается изяществом).

Одного листа мне не хватило, и я вынуждена была испортить еще один белоснежный гладкий листочек.

Информации о Харчеве у меня оказалось немало. Практически я знала о нем все, начиная со дня его рождения и по сегодняшний день.

Володя родился в маленькой деревушке на окраине Тара-

совской области.

Первые восемь лет учился в соседнем селе, и, надо сказать, учился отвратительно.

Вскоре почувствовал в себе недюжинный талант и поступил на первый курс художественного училища.

В результате через несколько лет он получил диплом специалиста по дизайну и даже работал в этой области какое-то время, прежде чем понял, что художник чаще всего вынужден прозябать на жалкие гроши.

Попробовал он себя и в рекламе и, видимо, с удивлением обнаружил, что эта деятельность ему не по плечу.

К тому времени Владимир осознал, что жить – хорошо, а хорошо жить – еще лучше. А для этого просто необходимо иметь много денег.

Но честным трудом он заработать их был не в состоянии. Именно в это время начинаются его первые нелады с законом.

Больших денег, благодаря своим примитивным аферам и не менее примитивным махинациям, он не заработал, но умудрился заработать три года тюрьмы.

Несмотря на то что освобожден он досрочно «за примерное поведение», ему, видимо, хватило времени, чтобы понять, что и этот путь его явно не устраивает.

И он выбирает другой путь: устраивается художником в лесное хозяйство, реально выполняющее функции дома отдыха для партактива области.

Неизвестно, как ему удалось попасть на эту должность после заключения, но одно можно сказать наверняка – здесь он был на своем месте.

Не совсем понятно, почему эта должность называлась «художник», так как он совмещал там самые различные обязанности – от банщика до собутыльника, – но, видимо, так там «нарисовался», что приобрел массу людей и покровителей в самых верхних эшелонах областной власти.

Немало друзей у него осталось и после заключения.

На этом гремучем сочетании и было построено нынешнее благосостояние Владимира Харчеева.

В годы перестройки товарищи по тюремному бараку быстро нашли общий язык с представителями бывшего партактива.

А помогал им навести мосты наш Емеля.

Со сказочной оборотистостью он за несколько лет сумел сколотить себе довольно приличный капиталец и к настоящему времени заправлял практически всем тарасовским шоу-бизнесом, включая прокат самых крутых зарубежных коллективов, имел целую сеть ресторанов, кафе и баров.

Последние два года он активно рвался к власти, используя структуры самых разных партий и общественных объединений.

У него не было по сравнению с большинством интересующего меня контингента богатого криминального прошлого. Неполные два года сейчас у нас в стране и за срок не считают,

но круг его общения и недоказанное, но очевидное участие в довольно крупных финансовых махинациях последних лет заставили меня внести его в список «потенциальных жмуриков» одним из первых.

У Емели была семья, состоящая из старушки матери, жены, вернее, сожительницы, хотя я не очень понимаю разницу между этими категориями.

Если человек живет с женщиной много лет подряд под одной крышей, имеет детей, но не поставил в паспорте бледный штампик, то женщина вынуждена, во всяком случае, при встрече с представителями органов правопорядка именоваться этим постыдным с точки зрения обывателя прозвищем.

А Харчеев жил со своей Людмилой почти двадцать лет, и у них была дочь-невеста, студентка второго курса экономического института.

В настоящее время он проживал на одной из тихих улочек в двух шагах от центра города.

Это была шикарная пятикомнатная квартира, вернее, две квартиры в «сталинке», купив которые Владимир Емельянович немного перестроил их, поменял планировку, сделал неременный по сегодняшним дням «евроремонт», и теперь о его гостеприимстве ходили в городе легенды.

Была у Емели и любовница – как же без нее?

У нее тоже была своя квартирка, небольшая и уютная, из окна которой открывался чудесный вид на Волгу.

Любовницу звали Тамарой, она была чуть постарше его дочери и училась с ней в одном институте.

Свою связь с Тамарой Емеля ни от кого особенно не скрывал, так что его ярко-красный джип нередко можно было увидеть у ее подъезда.

Дальше следовали данные о его деловых и дружеских контактах, которые представляли для меня не меньший интерес, чем подробности его личной жизни.

Особенно события этой весны, которые стали для Харчева настоящей катастрофой.

Покончил с собой его главный партнер по шоу-бизнесу, обвинив его в предсмертной записке во всех грехах.

В одном из Емелиных ресторанов группа недовольных хозяином сотрудников подала на него в суд по поводу его финансовых злоупотреблений и незаконных увольнений инакомыслящих.

Обвинения росли, как снежный ком, они в последнее время буквально обрушились на него со всех сторон.

Налоговая инспекция неожиданно обнаружила на его предприятиях настолько наглую и откровенную двойную бухгалтерию, что не поверила своим глазам и теперь проводила повторную ревизию.

По городу ползли упорные слухи о скором крахе Емели, и его многочисленные недоброжелатели потирали руки в предвкушении справедливого возмездия.

Опомнившись, Емеля пытался спасти ситуацию, платил

налево и направо и только благодаря этому до сих пор оставался на плаву.

Депутатская неприкосновенность была нужна ему как воздух. Он грезил о ней как о манне небесной и добивался всеми известными ему способами, основным из которых, помимо денег, была помощь старых приятелей.

Одного из самых влиятельных покровителей Харчеева опустили сегодня в могилу на Жареном бугре, и его скорбь, судя по всему, была искренней.

Я сразу же заметила на кладбище его джип, а через некоторое время столкнулась нос к носу с его хозяином. Емеля был серьезен и задумчив, в руках у него был букет белых цветов, впрочем, как и у большинства присутствующих.

Сегодня утром начался его отпуск.

Мне предстояло узнать, где он собирается его провести.

С этой целью я, закончив бумажную работу, вышла из дома и отправилась в Емелин «офис».

Офис представлял собой несуразное тесное помещение на первом этаже, еще несколько лет назад скорее всего бывшее обычной коммунальной квартирой.

Ряд маленьких комнаток, в которых непонятным образом разместились человек десять-двенадцать «клерков».

Приемную офиса комнатой назвать можно было с оговоркой, так как она занимала бывший коридор, зато на столе у секретарши стоял довольно приличный компьютер.

Сама секретарша – огромных размеров, довольно моло-

дая, хотя ей с успехом можно было дать и двадцать пять и тридцать пять лет, – была надменна и неприступна и распространяла вокруг себя аромат отвратительных турецких духов.

Секретарш с такой задницей я до сих пор не встречала и думала, что таких просто не бывает.

Но, как говорится, на вкус, на цвет... Хотелось бы мне повидать Емелину юную любовницу, наверняка ее габариты не уступали секретаршиным.

Я уже собиралась нарушить бесконечный телефонный разговор здоровенной девицы и разыграть из себя «крутую» посетительницу, но в этот момент судьба послала мне воздушный поцелуй.

– Ну что вы, Дмитрий Сергеевич, – закатив глаза к низкому потолку, промурлыкала жеманно секретарша, – Владимир Емельянович в отпуску. Я тут осталась совершенно одна.

Видимо, ее собеседник сообщил ей что-то очень приятное, так как она оглушительно захохотала и томно повела глазами в мою сторону.

– Нет. Как вам не стыдно. Ну, Дмитрий Сергеевич, – она опять захохотала, – я Владимиру Емельянычу пожелаю, нет, он еще не уехал, завтра уезжает...

Я наострила уши.

– Завтра в девять утра на теплоходе «Михаил Кутузов». – И она снова захохотала, словно произнесла что-то удиви-

тельно остроумное.

Видимо, какой-то идиот однажды сказал ей, что у нее приятный смех.

Этой информации мне хватило за глаза, и у меня больше не было повода лицезить перемазанный помадой рот деброй девицы.

Сделав вид, что потеряла терпение, я демонстративно покинула помещение.

По моим расчетам, Емелья еще должен был сидеть за поминальным столом в ресторане «Русские узоры». Поминки начинались в три часа и раньше пяти не должны были закончиться.

Когда я спустилась в подвал ресторана, поминки были в самом разгаре.

Скорбящие были уже сильно навеселе, над столами стояли ни с чем не сравнимый гул, свидетельствующий о том, что застолье вошло в свою основную и одновременно заключительную стадию.

При этом совершенно не важно, поминки это или день рождения. Необходимые компоненты: большое количество людей и горячительные напитки на столах – унифицируют процесс независимо от повода.

Говорили в полный голос, перебивая, а некоторые уже и не понимая друг друга.

Вторая очередь скорбящих с нетерпением переминалась с ноги на ногу в тесном вестибюле ресторана.

Слабенький кондиционер не мог справиться с таким количеством публики, тем более что на улице было под тридцать градусов, весна в этом году была удивительно жаркой.

Эти люди в отличие от сидящих теперь за столами были попроще.

Многие, видимо, встречали покойного один-два раза в жизни, поэтому вряд ли хорошо знали друг друга в лицо.

Так что мое появление прошло совершенно незамеченным.

Мысли окружающих меня людей были сконцентрированы на столах с поминальным угощением, на которое устроители церемонии явно не поскупились.

Красная икра, колбасы всех сортов, ветчина и сыр своими запахами возбуждали их аппетит. А водочные этикетки всех цветов в невероятных количествах обещали наиболее терпеливым достойное вознаграждение.

Я не собиралась участвовать в ритуальном пиршестве, хотя глоток холодной минералки мне бы не помешал.

Удовлетворившись тем, что обнаружила Емелю за одним из столов, я с облегчением вдохнула показавшийся мне прохладным после духоты ресторанного предбанника воздух.

Один за другим покидали ресторан наиболее почетные гости.

Емеля тоже не заставил себя долго ждать. Он вышел из ресторана с двумя подвыпившими приятелями, и, к моему удивлению, они пешком отправились в сторону Театральной

площади.

Я последовала за ними на небольшом расстоянии.

Буквально через несколько десятков метров один из них сел в поджидавший его автомобиль. Емеля же со вторым спутником, лицо которого было мне совершенно незнакомо, распрощавшись с ним и даже расцеловавшись на прощанье, зашагали дальше.

Приятелей заметно пошатывало, и я подумала было, что они слегка переусердствовали за столом.

Но уже через несколько минут от мнимого опьянения не осталось и следа.

Они шагали целеустремленно и в таком темпе, что я на своих высоких каблуках едва поспевала за ними.

Это было уже любопытно. Зачем им нужна была эта комедия? Куда они шли? И почему отпустили транспорт?

Этих ребят, гуляющих по улице пешком, можно увидеть не часто.

Любопытство мое достигло высшей степени и превратилось в изумление, когда они дошли до цели своей довольно продолжительной пешеходной прогулки.

Это был бывший косметический салон, а теперь Институт красоты доктора Смысловского, одно из многочисленных частных медицинских учреждений, появившихся в последние годы, как грибы после дождя.

С поминок в косметической салон – это, пожалуй, покруче, чем с корабля на бал. Во всяком случае, я не могла пред-

ставить себя в подобной ситуации.

Может быть, мне показалось, но пришедший с Емелей мужик был или завсегдатаем, или хозяином этого заведения. Он открыл красивую парадную дверь и согнулся в подобии поклона, пропуская внутрь господина Харчеева.

Я не удержалась и сфотографировала «сладкую парочку» своим микрофотоаппаратом, замаскированным под зажигалку, который я таскала сегодня с собой целый день, а использовала всего несколько раз, в основном на кладбище.

На противоположной стороне улицы, почти напротив института, находилось небольшое уличное кафе, за одним из столиков которого я и расположилась, не привлекая ничьего внимания, и тут же заказала себе бутылку лимонада.

Насколько труднее была работа секретного агента несколько лет назад, когда еще не появились эти замечательные места проведения досуга, как будто специально созданные для незаметного наблюдения.

Через пять минут перед входом в институт остановился знакомый мне джип. «Коррида», вспомнила я название.

Чтобы не потерять Емелю, я перешла на другую сторону улицы и поймала пустое такси. Не торопясь, я объяснила водителю задачу – следовать за джипом, как только он тронется с места.

Внушительный аванс лишил его малейшего повода к возражениям, тем более что Емеля не заставил себя долго ждать и появился в дверях института с черным кейсом в руках.

Мне показалось, что он вышел слегка побледневшим и то ли аккуратно причесанным, то ли подстриженным покороче. У него было немного растерянное выражение лица, а может быть, просто разыгралось мое воображение, настроившееся на детективный лад.

Поздоровавшись с водителем джипа, он забрался в машину и в сопровождении «почетного эскорта» двинулся по дороге в направлении к Волге.

Весь путь занял у нас несколько минут, поскольку от института до дома Тамары было рукой подать, а именно туда и направлялся Емеля.

Я попросила таксиста обогнать остановившийся джип, проехать еще полквартала и завернуть за угол, где и распрощалась с ним, не потребовав сдачи. Пятьдесят рублей за четыре минуты вполне удовлетворили его.

Емеля тем временем отпустил машину и вошел в подъезд Тамариного дома.

Я присела на лавочку во дворе, чтобы осмыслить ситуацию и спланировать дальнейшие действия.

Итак, завтра в девять утра мой клиент отправляется в путешествие по Волге на теплоходе «Михаил Кутузов».

Последний день в городе он проводит довольно оригинально: с поминок горячо любимого друга отправляется в косметический салон, где приводит в порядок свою внешность, и ближе к вечеру отправляется к своей молодой любовнице. Видимо, для того, чтобы найти утешение в ее объ-

ятнях.

Сидеть на лавочке в ожидании, когда Емеля утешится и утолит свою жажду наслаждений, было довольно глупо.

Я рассчитала, что меньше часа этот процесс занять никак не может, и отправилась на Речной вокзал, чтобы прояснить ситуацию с теплоходом «Михаил Кутузов», благо что вокзал находился в двух минутах ходьбы от Тамариного дома.

В кассе Речного вокзала мне сообщили, что «Михаил Кутузов» действительно завтра утром прибудет в Тарасов, чтобы проследовать почти до самого Каспийского моря, а затем развернется и поплывет до Москвы.

Недолго думая, я купила себе билет в одноместную каюту аж до самой Москвы, несмотря на то что это обошлось мне в кругленькую сумму. И это еще мягко выражаясь.

Но на недостаток средств я пожаловаться не могла. Гром, как всегда, компенсировал все возможные траты в самом начале задания. А окошечко обмена валюты находилось в том же зале.

Я рассчитывала, что, надолго покидая Тарасов, Харчеев постарается встретиться с нужными людьми и таким образом выявить для меня круг его сегодняшнего общения.

Может быть, он и не догадывался, что в ближайшее время ему грозила безвременная кончина, но если это произойдет, то киллера, как всегда, надо будет искать в его ближайшем окружении.

Но он поломал все мои планы и предпочел делу интим-

ные утечи. В конце концов, его можно понять. Может быть, у него появилось какое-то предчувствие, а перед смертью, как говорится, не надышишься. Вот он и отправился подышать как следует, наплевав на все мои планы.

Это раздражало меня, и, чтобы как-то отомстить ему, я набрала номер телефона Тамары.

Вопреки моим ожиданиям трубку подняли почти мгновенно. Тембр голоса не оставлял сомнений в половой принадлежности говорящего. Это явно была не Тамара, а следовательно, я говорила с Харчевым.

– Будьте добры, Тамару, – промурлыкала я с интонацией безразмерной секретарши, подстраиваясь под вкус своего клиента.

Его ответ обескуражил меня.

– Ее нет дома, – ответил он.

– А когда она будет, она мне очень нужна, – добавила я с максимальной деликатностью.

– Сегодня ее не будет, – ответил он и повесил трубку.

Некоторое время я в растерянности слушала короткие гудки.

Непохоже было, что он меня обманывал, но в таком случае я ничего не понимала. Попрощаться перед отъездом с любовницей – это серьезный повод для визита. А заявиться к ней в ее отсутствие и сидеть там сиднем...

Не настолько же Емеля сентиментален, чтобы в отсутствие подруги разглядывать фотографии на стенах, вздыхать

и вспоминать о счастливых минутах, проведенных в уютном гнездышке.

Так в чем же дело?

Я не могла оставить этот вопрос без ответа.

Решение пришло неожиданно. Недалеко от моей лавочки находились мусорные баки, переполненные пищевыми отходами. Рядом с одним из них я заметила большой прозрачный пакет со старой одеждой.

Незаметно подхватив этот пакет, я шмыгнула в соседний подъезд и через несколько минут вышла оттуда в драном, но, слава богу, чистеньком халатике серого цвета. Голову я повязала вылинявшей косынкой, уничтожив малейшие следы косметики на лице, по возможности состарила его лет на пятнадцать.

В таком виде я зашла в булочную в соседнем доме и купила там свежую сайку.

Сумка, повешенная мною на шею под халатом, заметно полнила меня. Думаю, что мои учителя по маскировке были бы мной довольны.

Поднявшись на второй этаж, я откусила огромный кусок сайки и решительно позвонила в Тамарину дверь.

– Хозяйка дома? – развязно спросила я Харчеева.

– Нет. А в чем дело?

– Да мне только позвонить, – ответила я нахально и, бесцеремонно отодвинув Емелю, прошла в «святая святых» – Тамарину спальню.

Телефон был действительно там, он стоял на широченной кровати, на которую я и уселась без зазрения совести. Емеля, как был, так и остался стоять в дверях комнаты, наблюдая за моими действиями.

Набрав номер своего домашнего телефона, я, дожидаясь ответа, разглядывала все кругом и, удовлетворив свою любопытность, позволила своему воображаемому собеседнику взять трубку.

– Рая, – заорала я истошным голосом, – ты где, зараза, ходишь? Ты ключ-то с собой унесла, а я домой попасть не могу. Бегом!

Закончив свою импровизацию, я протерла трубку уголком халата и обратилась к Емеле:

– Ты представляешь, Райка, зараза такая, без ключа меня оставила!

Я откусила еще кусок булки и с полным ртом и перекошенной физиономией спросила:

– А Томка-то где?

– Она у подруги.

– Да я только позвонить. Она мне не нужна. Райка сейчас подойдет, я ее во дворе подожду. Счастливо оставаться.

На первый этаж я спустилась уже в нормальном виде, а скомканные халат и косынка занимали совсем немного места в моей вместительной сумке. Мои итальянские туфельки, видимо, не смутили Емелю и не резанули его взгляд явным несоответствием с остальным «прикидом».

Я шла на определенный риск и ничуть не раскаивалась в содеянном.

Замечательный «жучок», посаженный мною на телефонный аппарат, давал мне возможность прослушивать все телефонные разговоры.

Кроме того, я собственными глазами увидела несколько собранных в дорогу чемоданов, один из которых лежал раскрытым на той же кровати, на которой расположилась и я, и наличие в нем несомненно мужских принадлежностей красноречиво свидетельствовало о том, что к Тамаре эти чемоданы не имели никакого отношения.

Теперь я была почти уверена, что Харчеев пробудет в этой квартире до утра и прямо оттуда отправится на теплоход.

Причем я буду знать обо всем, что произойдет за это время в квартире, даже если для этого мне придется переночевать в здании Речного вокзала.

Глава 3

Я весь вечер просидела, как дура, в районе Речного вокзала, прислушиваясь к каждому шороху в своем миниатюрном, но очень чутком передатчике.

Но, можно сказать, потеряла время даром.

Владимир Емельянович вел себя по меньшей мере странно. За весь вечер он ни разу не позвонил по телефону – можно подумать, что он не знал, как это делается, – не покидал квартиры, гостей не принимал. Более того, через несколько минут после моего визита он включил телевизор и не выключал его до поздней ночи.

Так что я была вынуждена прослушать всю программу передач от «Угадайки» до эротического триллера, но это уже «на посошок». Во втором часу ночи, голодная, как собака, я отправилась несолоно хлебавши к себе домой, чтобы подготовиться к путешествию и успеть еще вздремнуть часок-другой.

Итоги первого дня завели меня не на шутку. Слишком много загадок мне задал мой странный клиент.

У меня было время все как следует обмозговать, и вывод напрашивался сам собой. Это было похоже на побег. Как иначе можно объяснить экстравагантность поведения Емели?

Вместо того чтобы, как все нормальные люди, последнюю

ночь провести с семьей, он отправляется ладно бы к любовнице, а то в пустую квартиру, где несколько часов подряд, лежа в одиночестве, смотрит все передачи подряд.

Такое было бы объяснимо для дикаря, никогда не видевшего телевизор, но не для одного из самых богатых людей города, у которого, по моим сведениям, телевизоров было больше, чем комнат, не считая видеоаппаратуры.

От кого же он прятался и от кого пытался убежать? Об этом я могла только догадываться.

И первое, что приходило в голову, что смерть его товарища, а может быть, и вся эта «эпидемия» не прошли для него незамеченными. У него были основания составить свой список «потенциальных жмуриков», где наверняка была и его собственная персона.

Только этим можно было объяснить, что он не ночевал дома в эту ночь. Он просто этого боялся. Хотя гарантировать себе полную безопасность в Томкиной квартире он тем более не мог. Скорее наоборот. Шлепнуть его там было гораздо проще.

Новой информации у меня не было, и, утомившись ходить по кругу одних и тех же соображений, я легла в постель и заставила себя отключиться до утра.

Нас этому тоже учили, и проблем с бессонницей у меня быть не может. В услугах будильника я тоже не нуждаюсь и могу запрограммировать собственное пробуждение на любое время с точностью до минуты.

Поэтому утром, приняв душ и экипировавшись в соответствии с путешествием, я в половине девятого украшала собственной персоной один из причалов тарасовского Речного вокзала.

Там уже находилось довольно много народа, в том числе и знакомые мне лица. Безобразная секретарша с обтянутыми короткими шортами толстыми ляжками и вчерашний водитель джипа.

Она была налегке, а вот водитель абсолютно вписывался в толпу отплывающих и, видимо, собирался принять участие в круизе. С секретаршей он не общался, во всяком случае, со стороны не было заметно, чтобы они знали друг друга.

С борта теплохода я наблюдала за ними.

До отправления оставалось каких-то десять минут, и я начинала волноваться, мало ли что могло произойти сегодня ночью, но в этот самый момент появился Емеля в сопровождении двух носильщиков или телохранителей, стремительно поднялся на палубу, отделившись кивком головы в сторону завизжавшей от восторга при виде его секретарши и, как выяснилось, еще нескольких его подчиненных, пришедших проводить своего шефа в далекое путешествие.

Ни его жены, ни его дочери среди провожавших я не заметила.

Вчерашний водитель вдвоем с неизвестным мне, но сильно накачанным молодым человеком, поднялись на борт через пару минут после Владимира Емельяновича.

Заиграла музыка, придавая торжественность моменту, и теплоход, шипя и отплевываясь, удалился от причала и через некоторое время уже легко и почти бесшумно заскользил по великой русской реке.

Моя одноместная каюта хоть и относилась к первому классу, но не вызвала у меня никакого восторга. Я не страдаю клаустрофобией, но пять квадратных метров никогда не были пределом моих мечтаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.